

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВОСТОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
РЕЛИГИИ. КУЛЬТУРЫ. ЛИТЕРАТУРЫ**

Материалы V Международной научной конференции
15–16 ноября 2018 г. Москва
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Москва
ИМЛИ РАН
2018

A. M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE, RAS

**ORIENTAL READINGS
RELIGIONS. CULTURES. LITERATURES**

The materials of the 5th Annual International Conference
November 15–16, 2018, Moscow
A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS

Moscow
IMLI RAN
2018

- Кикнадзе Д.Г.**
(Санкт-Петербургский государственный университет).
Сюжеты о брошенных младенцах в сборнике японского жанра сэцува «Кондзяку моногатари-сю:» (XII в.)
- Diana Kiknadze**
(Saint-Petersburg State University).
Stories about Abandoned Newborns in Japanese Setsuwa Literature
Storybook "Konjaku monogatari-shu" (XII c.) 78
- Кириллова А.А.**
(Институт стран Азии и Африки МГУ).
Библейские чудовища — филологическая характеристика
- Anastasia Kirillova**
(Institute of Asian and African Studies).
Bible Monsters — Philological Characteristic. 83
- Кириосова Н.А.**
(Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко).
Китайский иероглиф как носитель эмоциональной информации
- Nadiia Kirnosova**
(National Taras Shevchenko University of Kyiv).
Chinese Character as a Medium of Emotional Information 90
- Клусова Ю.Д.**
(Санкт-Петербургский государственный университет).
Особенности прозы Раньии Ма'мун
- Yulia Klusova**
(Saint-Petersburg State University).
Characteristic Features of Rania Mamoun's Prose 95
- Кнорозова Е.Ю.**
(Санкт-Петербургский государственный университет).
К вопросу о даосизме во Вьетнаме
- Ekaterina Knorozova**
(St. Petersburg State University).
To the Question of Taoism in Vietnam. 100
- Кривец Е.А.**
(Институт востоковедения РАН).
Копты в противостоянии католицизму
- Elena Krivets**
(Institute of Oriental Studies).
Copts in Opposition to Catholicism 105

- Куделин А.Б.**
(Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН).
Восточные сочинения в «Литературных памятниках»
(к 70-летию академической серии)
- Alexander Kudelin**
(A.M. Gorky Institute of World Literature).
Oriental Works within the "Literature Monuments" Collection
(for 70th Anniversary Celebration of the Academic Book Series) . . . 110
- Кудрявцева Т.В.**
(Институт мировой литературы им. Горького РАН).
Образ Китая в немецкой прозе рубежа XIX–XX вв.
- Tamara Kudryavtseva**
(A.M. Gorky Institute of World Literature).
The Image of China in German Prose of the XIX–XXth centuries . . 115
- Куликова Е.Ю.**
(Институт филологии СО РАН).
«Китайская акварель» Николая Гумилева,
Валерия Перелешина и Александра Вертинского
- Elena Kulikova**
(Institute of Philology of the Siberian Branch).
«Chinese Watercolor» by Nikolay Gumilev,
Valery Pereleshin and Alexander Vertinsky 120
- Кукушкина Е.С.**
(Институт стран Азии и Африки).
О некоторых особенностях постреалистической
драматургии Малайзии (на примере творчества Динсмана)
- Evgeniya Kukushkina**
(Institute of Asian and African Studies).
On some Particular Features of Postrealistic Malaysian Dramaturgy
(a case study of Dinsman as a playwright) 125
- Лебедева Н.А.**
(Дальневосточный федеральный университет).
Отражение уникальности пространственно-временных
характеристик в основных хронотопах прозы
северо-восточного Китая в первой половине XX века
- Natalia Lebedeva**
(Far Eastern Federal University).
Reflection of the Uniqueness of Spatial — Time Characteristics
in the Main Chronotopes of the Northeastern China Fiction
on the First Half of the XX century 131

Кикнадзе Диана Гургеновна,
кандидат исторических наук.
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

**СЮЖЕТЫ О БРОШЕННЫХ МЛАДЕНЦАХ
В СБОРНИКЕ ЯПОНСКОГО ЖАНРА СЭЦУВА
«КОНДЗЯКУ МОНОГАТАРИ-СЮ:» (XII в.)**

В основу статьи легли истории из сборника жанра сэцува «Кондзяку моногатари-сю:» (XII в.) о проявлениях социального явления сутэго — обычая оставления детей. В статье приводятся наиболее известные случаи с оставлением детей в раннесредневековой Японии, дан анализ причин этого явления, а также рассматривается роль государства в деле решения данной проблемы.

Ключевые слова: Эпоха Хэйан, сэцува, сутэго, сироты, инфантицид, простолюдины, придворные аристократы

Diana Kiknadze.
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

**STORIES ABOUT ABANDONED NEWBORNS IN
JAPANESE SETSUWA LITERATURE STORYBOOK
“KONJAKU MONOGATARI-SHU” (XII c.)**

The paper offers a description and analysis of Heian Japan's social problem sutego — children abandonment — when newborns were thrown by their mothers due to poverty in the forests, fields or roadsides. The main source on sutego in medieval Japan became “Konjaku monogatari-shu” setsuwa storybook, XII c.

Keywords: Heian era, setsuwa literature, sutego, orphans, children abandonment, nobility, poverty, commoners

В японском языке оставление детей на произвол судьбы, как и самих брошенных детей, издревле принято обозначать термином *сутэго* 棄子 — «брошенный ребенок».

Важным источником с уникальным описанием обычая оставления детей в X–XI веках, считается сборник жанра *сэцува* «Кондзяку моногатари-сю:» (今昔物語集, «Собрание повестей о ныне уже минувшем», XII в.). Пожалуй, среди всех *сэцува* этого времени, в «Кондзяку моногатари-сю:» наиболее полно отражена жизнь простых жителей столицы Хэйанкё и прилегающих провинций, показаны самые нестандартные ситуации из жизни японского общества эпохи Хэйан (794–1185).

В крестьянской среде, в первую очередь, новорожденных оставляли по причине бедности и невозможности прокормить еще один рот, особенно, если ребенок был не первенцем. Массовости этого обычая среди крестьян способствовало тяжелое экономическое положение с непосильно крупным налогообложением или слишком малым земельным наделом с неплодородной почвой. Однако бывали случаи, когда ребенок рождался хилым или с явными изъянами, что означало невозможность становления его полноценным членом тогдашнего общества. В основном по этой причине общество отдавало предпочтение здоровым и физически крепким людям. Болезнь и нездоровье вообще по синтоистским представлениям считались скверной и «нечистотой». Подобное отношение к болезням породило в древнем и средневековом японском обществе традицию избегания больных, зараженных и страждущих людей. Участь их была печальной, поскольку приближение к больным означало осквернение окружающих, после чего они должны были пройти обряд очищения в затворничестве. Смерть также означала осквернение и необходимость ритуального удаления, поэтому даже в древней столице Хэйан трупы могли лежать на обочинах дорог и полях необрушенными до их полного разложения или растерзания птицами и собаками [Миёси-но Асоми Киёюки, 131].

Обычай *сутэго* был заурядным явлением не только в бедных деревенских семьях с большим количеством детей, но и в столице. В отличие от бедноты, у столичных жителей были иные причины оставления своего новорожденного ребенка на произвол судьбы:

1) зависимость фрейлины от придворной службы и невозможность ухода с нее;

2) сама система визитных браков и свободного посещения женщины мужчиной, свободные сексуальные связи вообще, так и отношение к женщине, как к объекту удовлетворения плотских потребностей без каких-либо обязательств. Описаниями подобных отношений между мужчиной и женщиной, особенно, в придворной среде, изобилует почти вся изящная литература эпохи Хэйан. Ночная жизнь подразумевала тайное посещение возлюбленной под покровом ночи, бывали случаи, когда мужчина мог обзвониться, ошибиться домом или посетить даму, намеренно притворившись ее избранником. Нежелание опозориться, навлечь на себя клевету, вынуждали женщин молча сносить навязанное мужское внимание. Последствия таких отношений были очевидны — нежелательную беременность приходилось скрывать, рожать где-то в глуши, вдали от родного дома и, соответственно, избавляться от незаконнорожденных младенцев [Фусато: Санаэ, 9–20].

3) отсутствие собственных земельных наделов и прочего имущества, способного давать женщине финансовую прибыль, также крепко привя-

зывало ее к придворной службе или делало ее жизнь зависимой от богатого покровителя, у которого могли быть свои жёны.

Подобные случаи проиллюстрированы в сборнике *сэцува* «Кондзяку моногатари-сю»: некая обедневшая дама, жительница столицы сетует на свою судьбу и мечтает обрести богатого покровителя, чтобы в дальнейшем больше не нуждаться. Не будучи замужем и не имея на тот момент постоянного возлюбленного, она внезапно беременеет. В отчаянии она решает ближе к родам уйти в горы, отыскать удобное место под деревом и оставить ребенка там же, а в случае своей смерти, думает дама, ее и так никто не найдет и это было бы лучшим избавлением от проблемы¹.

Следующий случай показывает нам любовь и сострадание матери, стоящей перед нелегким выбором. Молодая мать, жена чиновника низкого ранга должна покинуть с семьей столицу и уехать в провинцию, куда по службе переводят ее мужа. Однако ей предстоит избавиться от одного из погодок, который оказывается «лишним» и лишь послужит помехой при переезде. У семьи нет возможности нанять кормилицу, поэтому придется сделать выбор — бросить одного из двух детей. Рыдающую женщину замечает проходившая мимо пожилая женщина, которая из жалости берет одного ребенка себе. Далее в этой истории показано, как благодаря молитвам бодхисаттве Каннон у старухи появляется молоко и ей удается выкормить ребенка².

В том же сборнике можно обнаружить историю о *сутэго*, брошенном прямо подле городских ворот. Прохожий мужчина обнаружил младенца, пожалел его, но не мог его забрать, так как торопился по срочному делу. На следующее утро, завершив работу, он нарочно пришел к воротам в страхе увидеть ребенка растерзанным бродячими собаками, однако младенец был жив и невредим. Так, в течение 2–3 дней этот человек заранее загадывал — найдет ли он младенца живым или растерзанным, но всякий раз обнаруживал его живым. Оказалось, что белая собака, самка, выкармливает дитя своим молоком, а позже она утащила ребенка в более укромное место, увидев в мужчине опасность.

Данную историю с брошенным младенцем можно рассматривать, как относительно привычный и заурядный случай для столичных жителей, раз мужчина не выразил удивления при виде брошенного ребенка. Он не позвал людей, не стал подбирать ребенка, хоть и переживал за его жизнь и дважды в день наведывался проверять, жив тот или уже съеден. Несмотря на очевидную многолюдность этого места, ребенком не поинтересо-

¹ «История про то, как роженица отправилась на гору Ямасина, повстречалась с чертом и бежала оттуда». Кондзяку моногатари-сю; св. 27, р. 15.

² «История про то, как старуха взяла на воспитание ребенка, брошенного бедной женщиной». Кондзяку моногатари-сю; св. 19, р. 43.

вались и все остальные прохожие³. Безусловно, в этой истории нас интересует отношение к *сутэго* в хэйанском обществе, но появление большой белой собаки, ставшей спасительницей младенца, можно интерпретировать с позиций японской мифологии, в которой белая собака почитается как проводник между посюсторонним и потусторонним миром, является человеку в минуты большой опасности. Такое предположение возникает исходя из понимания жанровой особенности *сэцува*, однако японский исследователь женской истории Фукуто: Санаэ считает вполне возможным выкармливание *сутэго* бродячими собаками [Фукуто: Санаэ, 171].

В «Кондзяку моногатари-сю» также встречаются истории об оставлении детей по причине крайней опасности для жизни самой матери.

Содержание истории сводится к тому, как молодая женщина с ребенком на спине поднималась по горной тропе. Заметив за собой двух бродяг, она свернула с тропы, чтобы избежать опасности и пропустить их вперед, однако эти бродяги обнаружили ее. Когда никакие уговоры на них не подействовали, женщина под предлогом того, что ей срочно нужно отойти в кусты по нужде, предложила взять ее ребенка в качестве заложника. При этом молодая мать расхваливала своего ребенка, как самого милого дитя на свете, каких нет даже у знати. Уговорив нищих, женщина тотчас же оставила им своего ребенка, а сама сбежала оттуда без оглядки. Выбравшую на дорогу запыхавшуюся женщину заметили конники, которые узнав о ее беде, пустились догонять разбойников. Прибывшие в то место конники и мать ребенка обнаружили в кустах растерзанного на части ребенка. Решив, что мать бросила ребенка и сбежала, разбойники расправились с обузой и скрылись. Первой мыслью женщины было облегчение и радость, что бродяг больше там нет, хоть ребенка и жалко. А те конники одобрительно высказались по поводу того, что женщина бросила ребенка, чтобы спастись. «Даже среди простолюдинов найдется совершивший постыдный поступок!» — гласит концовка этой истории, из которой явствует неодобрение подобных действий составителем сборника⁴. Подобный случай в то время, скорее всего, воспринимался, как пример нерадивого материнства или нормы поведения в простонародье.

Японский историк Иноуэ Киёси пишет о распространенном убеждении среди воинского сословия в конце XII века относительно того, что женщина в опасной ситуации должна была пожертвовать своим дитя и спасти прежде всего мужа, доказав таким образом супружескую преданность [Иноуэ Киёси, 29]. По всей видимости, упомянутая выше история

³ «История про то, как у ворот Татимон собака тайком выкармливала брошенное дитя». Кондзяку моногатари-сю; св. 19, р. 44.

⁴ «История про то, как женщина бросила своё дитя разбойникам и сбежала». Кондзяку моногатари-сю; св. 29, р. 29.

из «Кондзяку моногатари-сю:» свидетельствует о подобной тенденции в простонародье, когда жизнь взрослого человека ценилась выше, чем жизнь неокрепшего младенца, тем более, если речь шла о спасении жизни мужчины, от которого зависела судьба и благополучие женщины. Соответственно, ребенок из бедной крестьянской семьи находился в полной зависимости от своей матери, которая самостоятельно могла принимать решение относительно его жизни.

Судя по отношению к бросанию детей на произвол судьбы, это совершалось вполне осознанно и легко — отношение к смерти у японцев было спокойное, тем более, что ребенок до семи лет не считался еще человеком, а дитя, не отведенное в синтоистский храм для знакомства с богами-покровителями рода, фактически, для семьи не существовало [Прасол, 27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноуэ Киёси. Нихон дзёсэй си. Т. 1. — Токио, 1961. (История японских женщин) / 井上清. 日本女性史 (上) — 東京, 1961.
2. Миёси-но Асоми Киёюки. «Икэн дзю:ни кадзё:» — «Рекомендации в двенадцати пунктах» (914 г.) / пер. со старояп. М.В. Грачёва // Политическая культура древней Японии / под. ред. А.Н. Мещерякова. Серия «Orientalia et Classica: Труды института восточных культур и античности». — М.: РГГУ, 2005. С. 131–132.
3. Фукуто: Санаэ. Хэйан-гё: онна-но икиката. Кагаяйта дзёсэйтати. — Токио, 2004. (Жизнь женщин в эпоху Хэйан. Блистательные женщины) / 服籐早苗. 平安朝女の生き方. 輝いた女性たち — 東京, 2004. 9–20 сс.
4. Кондзяку моногатари-сю:. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geocities.jp/yassakasyota/konjyaku/konjyaku.html> (дата обращения: 02.09.2018).

Кириллова Анастасия Александровна

кандидат филологических наук.

Институт стран Азии и Африки

МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

БИБЛЕЙСКИЕ ЧУДОВИЩА — ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В тезисах содержится анализ двух терминов для обозначения загадочных чудовищ из Ветхого Завета (ТаНаХа) — Левиафана (liwyaṭān) и менее известного tannīn. Для достижения лучшего понимания, о каких именно существах идет речь, проводится подробный лингвистический (в т.ч. сравнительный) и текстологический анализ этих терминов, который позволяет нарисовать их портреты. Данные термины поднимают достаточно сложную проблему, на которую, пожалуй, невозможно дать однозначный ответ, а именно: отношения между литературами и — глубже — мифологическими циклами, бытовавшими на территории Ближнего Востока.

Ключевые слова: Библия, сравнительно-историческое языкознание, угаритский язык, аккадский язык, древнееврейский язык

Anastasia Kirillova

Institute of Asian and African Studies

Moscow, Russia

BIBLICAL MONSTERS — PHILOLOGICAL CHARACTERISTIC

The thesis contains an analysis of two terms for the designation of mysterious monsters from the Old Testament — Leviathan (liwyaṭān) and the lesser known tannīn. To achieve a better understanding of the creatures, a detailed linguistic (including comparative) and textual analysis of these terms is carried out, which allows to draw their portraits. These terms raise a rather complex problem, which, perhaps, it is impossible to give an unambiguous answer; namely: the relationship between literature and — the deeper — mythological cycles that existed in the Middle East.

Keywords: Bible, comparative-historical linguistics, Ugaritic language, Akkadian language, Hebrew.

Еврейская Библия (ТаНаХ) может считаться текстом, в котором торжествует монотеизм, поскольку главное действующее лицо, связывающее эти совершенно разные книги воедино, — это даже не народ Израилев, а Бог Израиля. Корпус наполнен эпизодами дидактического свойства, повествующими о том, что бывает, если отклониться от четко обозначенного религиозного курса (хорошим примером может стать отход от веры Соломона). Однако, если заглянуть за эту огром-

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН

**ВОСТОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ. РЕЛИГИИ
КУЛЬТУРЫ. ЛИТЕРАТУРЫ**

V Международная научная конференция.
Москва. 15–16 ноября 2018 г.

ORIENTAL READINGS. RELIGIONS
CULTURE. LITERATURES

The materials of the 5th Annual International Conference.
November 15–16, 2018, Moscow.

Компьютерная верстка

А.З. Бернштейн

Подписано в печать 01.11.2018

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Усл.-печ. л. 19,0. Тираж 100 экз. Заказ 1096

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт мировой литературы им. А.М.Горького

Российской академии наук

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а

тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП "Типография "Наука"

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6